

АРХЕОЛОГИЯ СИНЬЦЗЯНА (КРАТКИЙ ОБЗОР)

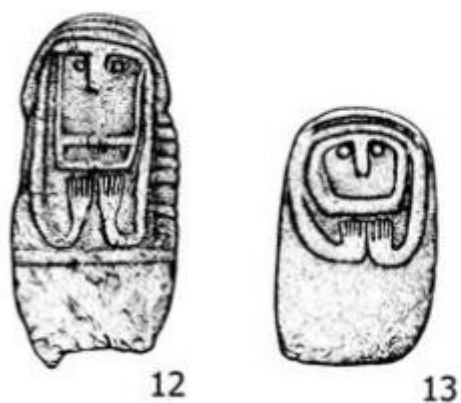
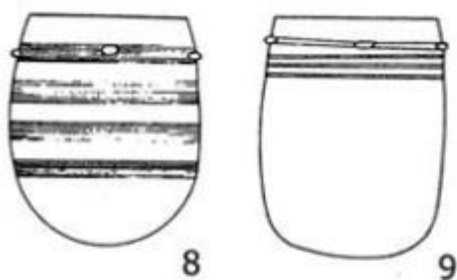
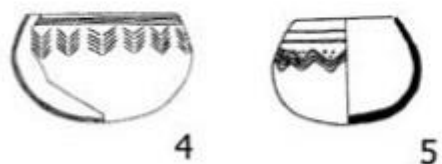
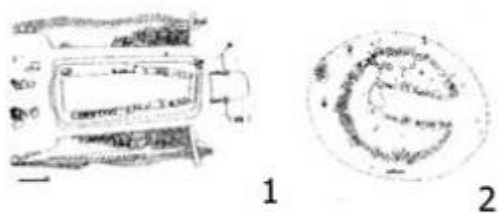
Л.М. Сверчков

География Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая отличается невероятным своеобразием, сыгравшим, надо полагать, немалую роль в жизни его обитателей. Большую часть округа занимает Таримская равнина с пустыней Такламакан, к северу, за горной цепью восточных отрогов Тянь-Шаня расположена Джунгарская равнина. На юге возвышаются горы Куньлунь и Алтынтаг, на западе Памир, на севере, за Джунгарской впадиной – Алтай (Кучера, 1984, с. 29-30).

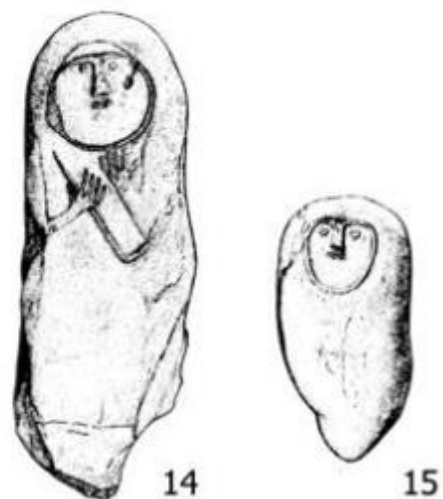
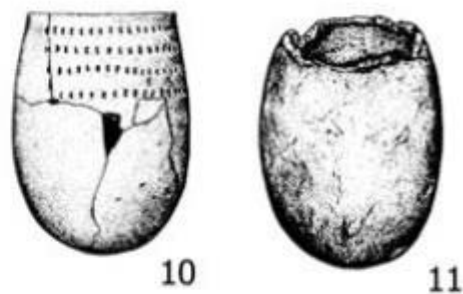
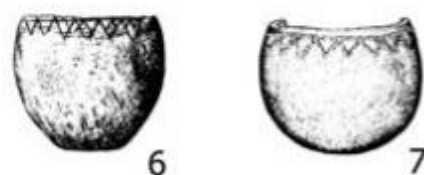
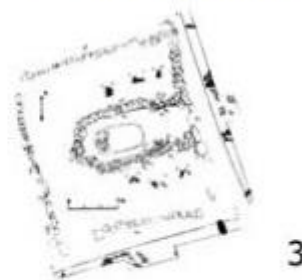
Исследования, проведенные за последние 20 лет, существенно дополнили наши знания по археологии Синьцзяна, и особенно всех впечатлили сенсационные находки «таримских мумий», вновь обострившие интерес к «тохарской проблеме». Тем не менее, имеющейся в печати археологической информации явно не хватает для полноценного анализа, но вполне достаточно, чтобы составить общее представление.

Самые ранние находки с территории Синьцзяна обнаружены преимущественно на востоке района, в южных и северных предгорьях Тянь-Шаня, и происходят из более чем 30 разветвленных стоянок, относящихся к эпохе неолита. Каменные изделия представлены негеометрическими микролитами, обнаруживающими типологическое сходство с материалами гиссарской культуры Южного Таджикистана и стоянок Ак-Купрук, Кара Камар и Дара Калон в Северном Афганистане (Debaine-Francfort, 1988, с. 7-14). Отмечается также идентичность традиции техники изготовления микролитов Восточного Синьцзяна и Внутренней Монголии (An Zhimin, 1996, с. 163-168). Из-за отсутствия радиоуглеродных дат хронология памятников варьирует от 9000-8000 гг. до н. э. для стоянок без керамики (Цицзяоцзин, Ярху) и 3000-2000 гг. до н. э. для поселений с керамикой (Астана, Мулэй). В. А. Ранов, изучив коллекции из Синьцзяна, пришёл к заключению, что в палеолите на его территории, как и в Средней Азии существовало два типа каменных индустрий – европейского и азиатского, причем первая из них является пришлой.

Neolithic France
V - IV millenium BC

Chemurchek culture of
Southern Siberia
(2 600 - 1 700 BC)

Репринт 1. Сравнительная таблица археологических находок (Неолит Франции V – IV тыс. до н.э. и Чемурчекская культура Южной Сибири 2 600 – 1 700 гг. до н.э.)

Та же тенденция сохраняется и в неолитический (эпипалеолитический) период: бесспорным остается факт схождения в Восточном Туркестане традиций Средней Азии, с одной стороны, и гобийской культуры, с другой (Ранов, 1988, с. 129-135). Признаки постоянного обживания Синьцзяна появляются около 2000 г. до н. э. и без перерыва продолжают вплоть до середины I тыс. н. э. Для эпохи бронзы (2000-1000 гг. до н. э.) К. Дебэйн-Франкфор выделяет 9 «культурных групп»: Гумугоу, Синтала, Вупу (объединяет два памятника), Нанвань (четыре памятника), Ордос, Калахэчжо, Халадун, Акэтала и Сидаогоу (Debaine-Francfort, 1988, с. 14-26). В эпоху железа (990 г. до н. э. – начало н. э.) здесь насчитывается 7 «культурных групп: Чавухугоу, культура «Gushi» или «Jushi» (состоит из 3 подгрупп), Кээрмуци, культура «Saka» (два памятника), Сянбаобао, культура «Wusun» (шесть памятников), памятники периода правления династии Хань (могильник Шанпула и бронзовая пластинка т. н. «ордосского» типа) (Debaine-Francfort, 1989, с. 183-206). К. Чен и Ф. Т. Хиберт называют пять главных районов сосредоточения археологических памятников Синьцзяна: 1) южные оазисы пустыни Такламакан в бассейне р. Талиму; 2) оазисы Восточного Синьцзяна; 3) речные долины северной окраины пустыни Такламакан; 4) памятники южных склонов Алтайских гор в Джунгарской долине; 5) долина верхнего течения р. Или в горах Тянь-Шань. На их территории имеются 10 «культур», 6 из которых относятся к раннему периоду (приблизительно 2000-1000 гг. до н. э.): Гумугоу, Янбулакэ, Адинху, Синтала, Халадун и Кээрмуци. Еще 4 «культуры» датируются началом I тыс. до н. э.: Сидаогоу, Чавухугоукоу, Канбакэ и горная «Saka» культура (Chen & Niebert, 1995, с. 250). Наиболее полноценная сводка всей имеющейся по археологии Синьцзяна в настоящее время информации, в том числе китайских исследователей, приводится в книге Цзянцзун Мэя. Автор сразу оговаривает, что организация древних памятников по принципу «культура» или «культурная группа» носит чисто условный характер и вовсе не адекватно понятию «археологическая культура». Похоже, сам Цзянцзун Мэй больше придерживается географического принципа и рассматривает памятники Синьцзяна в соответствии с их территориальным расположением: 1) восточные предгорья Памира, 2) восток Таримского бассейна, 3) южные предгорья Тянь-Шаня, 4) Турфанский бассейн, 5) юг Таримского бассейна, 5) бассейн Хами, 6) северные предгорья и горные долины среднего Тянь-Шаня, 7) северо-запад Синьцзяна, 8) южные

предгорья Алтая (Mei, 2000, с. 9). 1. В Восточном Припамирье находится упомянутая выше развезанная стоянка с микролитами Сулэтанбаэ (Suletangba'e), которая по аналогии с керамикой и кремневым инвентарем кельтеминарской культуры Средней Азии датируется приблизительно 2000 г. до н. э. (или раньше). Именно отсюда происходят те фрагменты керамики, которые опубликовал А. Стейн (Stein, 1981, табл. XXII-XXIII), и в которых последователи «афанасьевской теории» происхождения тохаров хотят видеть следы проникновения афанасьевцев в Таримский бассейн. Вторая группа объединяет поселение Акэтала (Aketala) и еще три расположенные рядом стоянки. Они выделены С. Кучерой в отдельную разновидность памятников, характеризующуюся наличием крупных шлифованных каменных орудий. В отличие от других памятников, здесь вместо обычной для Синьцзяна расписной керамики есть только серая, коричневая и красная, чаще всего круглодонная. Металлические предметы изготовлены из меди с низким (до 1,2%) содержанием олова. (Кучера, 1984, с. 40-42). Имеется сходство керамики Акэтала и Восточного Казахстана, где она датируется XIII-VIII вв. до н. э., каменные изделия обнаруживают несомненное сходство с материалами чувстской культуры соседней Ферганы (Debaine-Francfort, 2001, с. 66). А.-П. Франкфор выделяет Акэтала в отдельную археологическую культуру — «культуру серой керамики Синьцзяна». Поскольку она является самой западной в Восточном Туркестане (т. е. разделяет два историко-культурных пространства с лепной расписной керамикой) и по ряду других соображений, А.-П. Франкфор отрицает какую-либо связь культур Синьцзяна как с чувстской и бургулюкской культурами Ферганы, так и с более отдаленной общностью лепной расписной керамики — Яз I (культура Окса эпохи железа, по А.-П. Франкфору) (Francfort, 2001, с. 223, 226-229). В предгорьях Восточного Памира исследовался только один памятник эпохи железа — могильник Сянбаобао (Xiangbaobao) в Ташкургане, где было раскопано 40 захоронений. На поверхности погребения выделяются небольшой насыпью или каменной выкладкой. В могильнике сочетаются обряды кремации и многократной последовательной ингумации, в последнем случае покойника укладывали на боку с согнутыми ногами или на спине в вытянутом положении, головой на северозапад. Антропологический тип европеоидный средиземноморский (индо-афганский). Находки из раскопок представлены лепной краснокоричневой и серо-коричневой керамикой, бронзовыми и железными предметами. Из железа

были сделаны маленький нож, браслет и перстень. По четырем радиоуглеродным анализам могильник датируется около 700-400 гг. до н. э. Китайские археологи указывают на сходство находок из Сянбаобао с материалами раскопок А. Н. Бернштама на Западном Памире в Таджикистане, отчего некоторые предлагают соотнесение этих памятников с известным по историческим хроникам народом сака (Saka) (Debaine-Francfort, 1989, с. 200-201; Ma Yong & Wang Binghua, 1996, с. 210- 211; Mei, 2000, с. 20). 2. В восточной части Таримского бассейна находится древнейший погребальный комплекс Синьцзяна – могильник Гумугоу (Gumugou), датированный по радиоуглеродному методу 2000-1550 гг. до н. э. (Chen & Hiebert, 1995, с. 250). Здесь открыто 42 погребения, из них 36, более ранние, представляют собой одиночные ямы, выкопанные в песчаном грунте. У некоторых могил с восточной и западной сторон были установлены деревянные шесты. Тела помещались в гробы без дна, сделанные из деревянных дощечек, накрыты козьими или овечьими шкурами, иногда травой. Тела завернуты в шерстяные одеяла, лежат в вытянутом положении, головами на восток, на них надеты войлочные шляпы. В нескольких случаях на груди лежал пакет с веточками эфедры. Другие шесть захоронений (все мужские) относятся к иному типу и отличаются своеобразными наземными сооружениями, каждое из которых представляет собой круг из семи концентрических колец диаметром от 5 до 6 м, составленных из вертикально стоящих деревянных шестов. Погребальный обряд тот же, что и прежде: в вытянутом положении, головой на восток. Сопроводительный инвентарь также одинаков для обеих хронологических фаз Гумугоу. Керамика полностью отсутствует, медные изделия представлены мелкими фрагментами, но прекрасно сохранились корзины, циновки, кожаная обувь, деревянные сосуды и 6 антропоморфных фигурок (одна из кости). Найдены зерна пшеницы, рога коров, баранов и коз, костяные и нефритовые бусы, браслеты и ожерелья из костей птиц. По 18 черепам был определен единый для двух этапов могильника Гумугоу протоевропейский антропологический тип погребенных, что предопределило поиск аналогий погребальному обряду Гумугоу среди северных культур эпохи бронзы – афанасьевской и андроновской (Chen & Hiebert, 1995, с. 253-257; Mei, 2000, с. 10, 58-59, сноска 4). В эпоху раннего железа в восточной части бассейна Тарима погребальная традиция Гумугоу продолжалась. Захоронения в могильнике

Тибанхэ (Tiebanhe) наследуют тот же обряд, что был здесь в эпоху бронзы. Совпадения имеются даже в деталях: устройство могил, отсутствие керамики, мешочек с эфедрой на груди покойного. Одежда изготовлялась из шерсти, на головах покойников надеты высокие коричневые остроконечные войлочные шляпы, украшенные птичьими перьями, у женщин – с вышивкой по краям. Изменился антропологический тип древнего населения, теперь это представители памиро-ферганского (альпийского) типа европеоидной расы. Могильник датируется VII-I вв. до н. э., с I в. до н. э. здесь, на северо-западном берегу озера Лобнор, располагалась столица государства Шаншань. Погребальный обряд, аналогичный Гумугоу и Тибанхэ, сохранялся на востоке Таримского бассейна вплоть до V в. н. э. (Chen & Hiebert, 1995, с. 257; Ma Yong & Wang Binghua, 1996, с. 211-212). На южной оконечности Таримской впадины для эпохи раннего железа известны могильники Захонлукэ (Zahonluke) и Шанпула (Shanpula). Захонлукэ по C-14 датируется около 1000 г. до н. э., хотя отдельные захоронения относятся к более позднему периоду. Могильник состоит из нескольких сотен погребений отличной сохранности, представляющих собой ямы с бревенчатым накатом, поверх которого укладывались шкуры и циновки. Обычно в одну могилу укладывали несколько покойников: на боку или на спине с подогнутыми ногами. На телах и лицах видны татуировки, нанесенные черной краской. Могильник Шанпула состоит из 52 погребальных комплексов трех типов, датированных в интервале от 400 г. до н. э. – 100 г. н. э. Сопроводительный инвентарь включает простую керамику, бронзовые и железные изделия; сохранилась одежда и обувь, изготовленные из шерсти, войлока и кожи. Антропологический тип, определенный для двух могильников, европеоидный восточномедиземноморский (индо-афганский). В последнее время выявляются связи Захонлукэ с памятниками долины Керия, показывающие сложение отдельного очага производства бронзы и железа (Mei, 2000, с. 23; Debaine-Francfort, 1989, с. 205; 2001, с. 66-67). 3. Для района южных предгорий Тянь-Шаня известны две группы памятников, названные по имени крупнейших и лучше изученных поселений, Синтала (Xintala) и Халадун (Haladun). Поселение Синтала (Xintala) датируется 1700-1470 гг. до н. э. (по C-14), с ним рядом имеется могильник, раскопки которого не проводились. Известно об использовании в строительстве жилой архитектуры сырцового кирпича размером 42×21×11 см, что стало одним из самых ранних свидетельств его применения в Синьцзяне. В гончарной

продукции из поселения наблюдается сочетание двух традиций. Первая представлена керамикой с росписью красно-коричневой краской по светлому фону, орнамент геометрический — треугольники, сетки, зигзаги и волнистые линии. Сосуды другого типа, черно-коричневого цвета с примесью дресвы в тесте, менее распространены, чем первые. Они украшались штампом и насечками: орнамент в виде треугольников, елочек и линий оформлял венчик и горловину сосуда, что напоминает стиль андроновской культуры. Найдены два каменных серпа того же типа, что известен в материалах из стоянки Акэтала. В большом количестве обнаружены каменные изделия: зернотерки, терочники, ступки, пестики, мотыги, а также полированный топор из привозного нефрита. О знакомстве с металлообработкой меди свидетельствует находка каменной литейной формы. Среди подъемного материала имеется бронзовый кельт сеймино-турбинского типа (Chen & Hiebert, 1995, с. 265, 267; Mei, 2000, с. 10). Поселение Халадун (Haladun) состоит из двух строительных горизонтов, и с нижним из них связано возведение деревянных домов каркасно-столбового типа, что необычно для Синьцзяна, где доминирует глинобитная техника строительства. С этим периодом связан комплекс находок, представленный керамикой, изделиями из кости и каменными орудиями труда (ножи, серпы, мотыги, ступки и пестики), среди которых обращают на себя внимание изогнутые серпы/ножи, характерные для чустской культуры Ферганы и стоянки Акэтала. На основании типологического сходства материалов из поселений Халадун и Акэтала предполагалось даже существование единой археологической культуры. Однако, в отличие от Акэтала, в Халадуне не найдено медных предметов, а также имеется расписная керамика, чего нет в припамирском районе. К тому же в Халадуне в большом количестве (более 100) представлены изделия из кости: наконечники стрел, заколки, иглы и т. п. Керамика, в основном, украшена геометрическим орнаментом, краской красного и красно-коричневого цвета по светлому фону. Нерасписная посуда орнаментирована прочерченными по сырой глине линиями, подковообразными насечками, оттисками шнура и гребенки. Как и на поселении Синтала, здесь обнаружены остатки проса. Радиоуглеродных дат нет, но по аналогии с чустской культурой Халадун отнесен к середине — второй половине II тыс. до н. э. Сходство расписной керамики и каменных изделий обнаруживается не только с материалами Ферганской долины,

но и с погребальным инвентарем из захоронений в Кашмире, к юго-западу от Синьцзяна (Chen & Hiebert, 1995, с. 267-269; Mei, 2000, с. 10-11). В южных предгорьях Тянь-Шаня имеются три крупных могильника эпохи раннего железа: Чавухугоу (Chawuhugou), Канбакэ (Qunbake) и Баошидон (Baozidong). Чавухугоу (Chawuhugou) состоит из пяти групп могильников (около 2000 погребений), в которых раскопано более 600 захоронений, датированных по С-14 1000-300 гг. до н. э. Они представляют собой неглубокие ямы с каменными оградками, внутри и поверху выложенные 27 камнями, иногда поставленными вертикально. Тела лежат на спине (редко на боку) с согнутыми ногами, на раннем этапе преобладали индивидуальные погребения, позже становится больше групповых и многоразовых захоронений. Антропологический анализ показал преобладание памиро-ферганский типа при наличии небольшой доли монголоидного элемента. В погребениях обнаружено большое количество лепных красноглиняных сосудов, особенно популярны были кувшины со сливом и одной ручкой. Орнамент расписной посуды наносился черной или темно-красной краской по красному фону. Как и в бассейне Хами, расписная керамика исчезает около 300 г. до н. э. На территории могильника выявлено большое количество ям, заполненных костями лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. В могилы часто помещали головы лошадей, вне могильных оград найдены черепа коров (Chen & Hiebert, 1995, с. 275-278; Mei, 2000, с. 16). Могильник Канбакэ (Qunbake) трехчастный: Канбакэ I (раскопано 46 погребений) и Канбакэ II (13 вскрыто) датируются 800-400 гг. до н. э. В отличие от каменных оград Чавухугоу захоронения Канбакэ представлены круглыми или овальными в плане насыпями курганного типа, при создании которых применялся деревянный каркас. Как и в Чавухугоу, в могилах Канбакэ обнаружены черепа лошадей и верблюдов. Керамический материал преимущественно представлен лепной красноглиняной, редко сероглиняной посудой, только небольшое число сосудов расписано красной краской по желтовато-белому фону. Хотя Канбакэ включен в «культурную группу» Чавухугоу, в погребальном обряде имеется несомненное сходство с захоронениями могильника Гумугоу позднего этапа (Chen & Hiebert, 1995, с. 278-281; Mei, 2000, с. 16-17). В могильнике Баошидон (Baozidong) раскопаны только два погребения, одно из которых датируется VI в. н. э., но второе можно отнести к концу I тыс. до н. э. Представляют собой ямы под каменной насыпью с многократными захоронениями, содержащими иногда до 20 костяков. Посуда

лепная, сероглиняная и желтоглиняная, расписная вовсе отсутствует. Отдельные формы, особенно кувшины со сливом, аналогичны керамическому материалу из могильника Чавухугоу. Подобные захоронения, под курганами из камней и с такой же керамикой, были открыты в последние годы в могильнике Кулансарак (Kulansarak) (Mei, 2000, с. 17). 4. В Турфанском бассейне известно только одно поселение эпохи бронзы – Калахэжю (Halahezhuo), датированное по радиоуглеродному методу 1100-840 гг. до н. э. Раскопками здесь выявлены остатки домовладения с очагом, сложенного из сырцового кирпича. Каменные изделия относятся к тому же типу, что известен по материалам из поселений Акэтала и Халадун. Керамика лепная, с небольшим количеством расписной; орнамент, как обычно, геометрический (треугольники, заштрихованные треугольники, волнистые линии), но выполненный, в отличие от цветовой гаммы Акэтала и Халадуна, черной краской по красному фону (Mei, 2000, с. 11). Эпоха железа Турфанского оазиса представлена памятниками «культурной группы» под общим названием Айдинху (Aidinghu) и включает собственно Айдинху, а также могильники Субаши, Янхай, Кагэкьякэ и Иняйлакэ, относящиеся ко второй половине I тыс. до н. э. Часто по отношению к памятникам группы Айдинху применяют определение «культура гуши или цзюши» (Gushi/Jushi) (Debaine-Francfort, 1989, с. 189; Mallory & Mair, 2000, с. 143-144). В могильнике Айдинху (Aidinghu) раскопано 50 погребений, представляющих собой прямоугольные в плане ямы, в которых костяк лежал на спине в вытянутом положении, голова обращена на запад. Керамика красного и серого цветов, обычная и расписная. Роспись наносилась черной краской по красному фону, типы орнамента те же, что и в Алагоу I. В Субаши (Subashi) открыто более 100 погребений, которые были двух видов, в обычной яме и в яме с подбоем. Подбойное устройство могилы предполагается датировать несколько более поздним временем. В Субаши тело укладывалось на деревянное ложе, что считается отличительным признаком данного могильника. Во всем остальном захоронения и сопроводительный инвентарь аналогичны Айдинху, лишь процент расписной керамики в Субаши меньше. Отмечаются аналогии и с материалами могильника Чавухугоу. Захоронения в могильнике Янхай (Yanghai) представляют собой прямоугольные ямы с внутренней платформой, сложенной из сырцовых кирпичей, что напоминает традицию Янбулакэ. Тело укладывали на подстилку

из деревянных лаг в скорченном положении на спине, голова обращена на восток. Керамика в погребениях имеется как расписная, так и нерасписная. Два сильно разрушенных могильника, Кагэжъякэ (Kageqiake) и Иняйлакэ (Yingyayilake), по керамическому материалу, в том числе по типам орнамента расписной посуды, также соотносятся с «культурной группой» Айдинху (Mei, 2000, с. 19-20). 5. Памятники бассейна Хами на крайнем востоке Синьцзяна, ненамного отличаясь друг от друга, часто объединяются археологами в одну «культуру» или «культурную группу». Самый восточный из них, могильник Тяньшаньбэйлу (Tianshanbeilu) или Линья (Lin-ya), по аналогиям датируется приблизительно первой половиной II тыс. до н. э. Раскопано более 200 захоронений, которые осуществлялись в простых ямах и ямах с обкладкой сырцовыми кирпичами. Размер ям колеблется от 2 до 1 м в длину и от 0,6 до 1 м в ширину. Покойника укладывали на боку в скорченном положении, мужские погребения головой ориентированы на юго-запад, женские — на северо-восток. Та же поза погребенных характерна и для могильника Вупу (Wupu), где вскрыто более 100 захоронений, датированных по C-14 1400-1000 гг. до н. э. В Янбулакэ (Yanbulake) китайские археологи раскапывали и могильник, и поселение. Поселение представляет собой квадратный в плане периметр стен размером 60×50 м с башней на углу и несколькими помещениями, пристроенными снаружи. Стена периметра толщиной 3 м и высотой до 5 м была сложена из пахсы и сырцовых кирпичей и неоднократно перестраивалась. Раскопками внутренней части поселения выявлено три периода обживания, в нижних слоях зафиксированы остатки жилых конструкций, построенных из сырца, камыша и дерева непосредственно на материке. В могильнике Янбулакэ (Yanbulake) раскопано около 90 погребений трех типов: обычные ямы, ямы с внутренней платформой и склепы, возведенные из сырца на древней дневной поверхности. Костяки лежат на правом или левом боку с подогнутыми ногами или на спине в вытянутом положении, в остальном все так же, как и в двух других могильниках данной группы. С последним этапом функционирования могильника Янбулакэ связаны находки семи железных предметов — перстней, ножей и фрагмента кинжала или меча, которые происходят из погребений-ям с внутренней платформой. Имеется 12 радиоуглеродных дат, предполагающих разновременность захоронений: восемь образцов определяют диапазон 1750-1300 гг. до н. э., три пробы дали возраст в пределах 750-550 гг. до н.

э. Богатство находок во всех трех могильниках потрясает воображение. Это бронзовые предметы, в том числе зеркала, украшения – серебряная заколка, бусы из агата, раковины каури, многочисленные изделия из дерева. В могильнике Вупу найдены одежда и обувь из шерсти, войлока и кожи; обнаружен колесный диск от повозки; собраны зерна проса и ячменя, кости крупного и мелкого рогатого скота, осла, лошади и верблюда. Керамический материал всех трех могильников представлен лепной красноглиняной и иногда сероглиняной посудой. Расписная керамика обычно составляет одну треть от общего количества и украшена геометрическим орнаментом, нанесенным черной краской по красному фону. В могильнике Янбулакэ расписная посуда составляет 36% от общего количества, в том числе есть сосуды с росписью желто-белому фону. Некоторые расписные чаши и миски имеют отверстия на дне. Формы и орнаментальные композиции посуды из Тяньшаньбэйлу и Янбулакэ отражают влияние культуры Сиба (Siba), распространенной в провинции Ганьсу в 1950-1550 гг. до н. э., но, в то же время, имеется сходство с мотивами росписи керамики чувтской культуры Ферганы позднего этапа. О контактах с афанасьевской или раннеандроновской культурами, как думают некоторые исследователи, может свидетельствовать характерный для степного круга серый или черный цвет керамики, найденной в незначительном количестве в могильниках бассейна Хами. Один из погребенных в могильнике Вупу (светловолосый европеоид) имеет татуировки на ладонях, руках и плечах, что напоминает обычай племен горного Алтая, оставивших курганы в Пазырыке. В Янбулакэ отмечается сосуществование европеоидного и монголоидного населения, с явным преобладанием последнего. Из 29 исследованных черепов 21 относится к монголоидной расе (11 мужчин и 10 женщин), остальные 8 (все мужские) – европеоиды. Надо заметить, что со временем, на поздних этапах функционирования могильника, процент европеоидов слегка увеличивается (Chen & Hiebert, 1995, с. 259-264; Mei, 2000, с. 11-12; Mallory & Mair, 2000, с. 140-143; Li, 2001, с. 174-175). В бассейне Хами могильник Янбулакэ в I тыс. до н. э. еще продолжал функционировать, но тогда же, в эпоху раннего железа, появляются еще два новых памятника – могильники Ханьхигоу и Мяоэргоу. В Ханьхигоу (Hanqigou) насчитывается 25 погребений в виде прямоугольных ям, выложенных камнями. Покойника укладывали в скорченном положении на боку, головой на север, в чем прослеживается наследие традиции

«культуры» Янбулакэ, отчего Ханьхигоу рассматривается как ее поздний вариант. В сопроводительном инвентаре изделия из железа не обнаружены, керамический материал представлен 32 сосудами, только три из которых расписные. Радиоуглеродная дата 359-40 гг. до н. э. В Мяоэргоу (Miao'ergou) раскопано 9 погребений, представляющих собой ямные захоронения под каменной насыпью. Покойник лежал на спине в вытянутом положении, что необычно для «группы» Янбулакэ. Керамика лепная, черного цвета, на поверхности подобрано несколько расписных фрагментов. В числе прочих находок имеются железные ножи и кинжалы, бронзовые топоры, фрагменты лаковых изделий, то есть сопроводительный инвентарь из захоронений в Мяоэргоу совершенно отличается от материалов Ханьхигоу, что свидетельствует о существовании здесь в конце I тыс. до н. э. некоей обособленной группы (Mei, 2000, с. 22-23).

6. В северных предгорьях среднего Тянь-Шаня известно несколько поселений и могильников эпохи бронзы, составляющих «культурные группы» Нанвань, Сидаогоу и Шуйничан. В могильнике Нанвань (Nanwan) открыто более 100 ямных захоронений в деревянных гробах, датированных по 18 радиоуглеродным пробам 1500-900 гг. до н. э. Керамика, в основном, лепная, красноглиняная, расписных сосудов меньше. Роспись черной краской по красному фону, очень редко встречается красная роспись на белом фоне. На поселении Ланчжоуванзи (Lanzhouwanzi) раскопано большое здание, сложенное из камня и состоящее из двух помещений. Сооружение похоже на жилые дома андроновской культуры, но бронзовые изделия и керамика аналогичны материалам из могильника Нанвань. По одной радиоуглеродной пробе датируется концом II тыс. до н. э. В ходе разведочных работ в районе юго-восточных предгорий ТяньШаня был собран обильный подъемный материал: каменные и бронзовые изделия, медные шлаки, лепная керамика (нерасписная и с росписью, иногда с резным орнаментом). Имеются две радиоуглеродные даты: 1031- 845 гг. до н. э. и 802-454 гг. до н. э. Группа Сидаогоу (Sidaogou) характеризуется единым набором каменных орудий (ступки, песты, терочники, молоты) и керамики. Выделяется два периода, датированных по C-14, соответственно, 1036-896 и 700- 300 гг. до н. э. Посуда раннего этапа преимущественно красноглиняная, нерасписная. В Сидаогоу преобладают грубые сосуды на округлом дне. Расписная составляет около одной трети общего количества, роспись наносилась черной краской по красному фону. На поселении найдено более 30 глиняных литейных форм для

изготовления ножей. В могильнике Шуйничан (Shuinichang) раскопано 8 погребений в ямах. Захоронения скорченные на боку, ориентированы головой на восток или юго-восток. Материал из могильника представляет две традиции, одна из которых, судя по форме и оформлению сосудов, находит соответствие в карасукской культуре Южной Сибири (Mei, 2000, с. 12-14). К востоку и северу от Турфанского оазиса расположены памятники эпохи раннего железа – могильники Алагоу, Дунфэнчан, Вулапо и несколько обособленная группа захоронений в Далункоу и Дакаотянь. В долине Алагоу (Alagou) раскопано 85 погребений двух типов, которые датируются приблизительно 800-100 гг. до н. э. Сооружения Алагоу I (81 гробница) представляют собой ямы диаметром от 2 до 3 м и глубиной 2 м, стены погребальной камеры выложены камнями. Обычно захоронения групповые, иногда несколько десятков, тела лежат в вытянутом положении на спине, головой на запад. По антропологическим данным, состав населения был смешанный, европеоидно-монголоидный. Сопроводительный инвентарь включает изделия из бронзы, железа, кости, дерева, камня, есть шерстяные ткани и раковины каури, сохранились остатки шелковых сеток для волос и лакированных чаш. Керамика лепная, большая часть украшена росписью черной краской по красному фону, обнаруживая сходство с материалами Турфанского оазиса. Орнамент на деревянных нашивках имеет аналогии в Пазырыкском кургане, что может свидетельствовать о существовании устойчивых связей с населением горного Алтая. К типу Алагоу II относится всего 4 погребения, которые отличаются от Алагоу I тем, что вместо камней в устройстве более глубокой могильной камеры применялось дерево и тем, что в каждой гробнице было максимум два костяка. Отличие усматривается и в керамике: хотя в Алагоу II было найдено мало сосудов, они явно относятся к иной традиции гончарного производства. Железных предметов немного: это наконечники стрел и миниатюрные ножи. Обнаружены шелковые и лаковые изделия. Орнамент на золотых и серебряных пластинах из погребения M30 аналогичен тому, что запечатлен на деревянных нашивках из Пазырыкского кургана IV в. до н. э. Бронзовый столик-подставка определенного типа из того же захоронения известен и в Иссыкском кургане в низовьях р. Или в Казахстане, и среди памятников верховьев р. Или на северо-западе Синьцзяна. Датируются все четыре погребения Алагоу II 400 г. до н. э. – 60 г. н. э. и считаются принадлежащими сакской культуре (Saka

culture) или племенам усунь (Wu-sun) китайских исторических хроник (Ma Yong & Wang Binghua, 1996, с. 213-221; Mei, 2000, с. 17-18). Могильник Дунфэнчан (Dongfengchang), расположенный в 70 км к западу от Алагоу, по типу захоронений и сопроводительному инвентарю идентичен галечным захоронениям Алагоу I. Здесь раскопано 41 погребение, которые датируются по шести С-14 пробам 1300-600 гг. до н. э. Изделий из железа мало, найдено только три миниатюрных ножа (Mei, 2000, с. 18). В могильнике Вулапо (Wulapo) близ г. Урумчи раскопано 46 ямных одиночных и групповых захоронений, в деталях несколько отличающихся от Алагоу I. Так, наряду с вытянутым положением костяка, отмечаются случаи скорченных труположений. Вся посуда круглодонная, красноглиняная, только изредка расписная. Интересно, что расписная керамика имеется только в тех могилах, где еще нет железных предметов, только медные и бронзовые, что позволяет отнести эти погребения к более раннему периоду функционирования могильника. В целом, Вулапо датируется второй половиной I тыс. до н. э. (Mei, 2000, с. 19). Район к востоку от г. Урумчи, где в эпоху бронзы существовала группа Сидаугоу, в археологическом отношении исследован слабо. Тем не менее, здесь известны два могильника эпохи раннего железа, Далункоу (Dalongkou) и Дакаотянь (Dakaotan), которые датируются серединой I тыс. до н. э. Захоронения Далункоу (10 раскопанных) осуществлялись в овальных ямах под невысокой насыпью из камней или земли. В большинстве случаев это одиночные погребения, в которых покойника укладывали в вытянутом положении, головой на запад. По погребальному обряду наблюдается сходство с могильниками долины р. Или. В то же время, сопроводительный инвентарь имеет аналогии с памятниками южных предгорий Тянь-Шаня, а по отдельным типам керамики из курганов можно видеть продолжение традиций Сидаугоу, имеется также два расписных сосуда. Погребения могильника Дакаотянь (раскопано 4) по типу еще ближе памятникам долины р. Или: это прямоугольные ямы, заполненные щебнем, сверху насыпь из камней (Mei, 2000, с. 22).

7. В северо-западной части Синьцзяна имеется три памятника, объединяемые в одну «культурную группу» под общим названием Агаэрсен (Aga'ersen) по имени известногоклада бронзовых изделий позднеандроновского типа. Датируется он XIII-IX вв. до н. э. Аналогичные предметы были найдены во многих местах долины р. Или, в том числе на территории Казахстана и Киргизстана. В целом для района Агаэрсен характерны поселения и могильники, по всему набору

признаков совершенно аналогичные памятникам андроновской культуры. Более того, влияние андроновской культуры, как показали последние исследования, достигало южной окраины Джунгарской равнины (Mei, 2000, с. 14). В эпоху раннего железа количество памятников в долине р. Или резко увеличивается, только могильников I тыс. до н. э. в этом районе сейчас насчитывается девять. С учетом их географического положения они объединяются в две группы – Темуликэ и Сяотай; считается, что обе группы памятников оставлены племенами саков или усуней, отчего часто по отношению к ним используется определение «Saka Culture». К группе Темуликэ (Tiemulike) относятся 6 могильников, клады и отдельные находки бронзовых изделий, а также одно поселение, связанное с добычей и переработкой медной руды. Могильники имеют общие черты и в погребальном обряде, и в погребальной конструкции, по внешним признакам это каменные или грунтовые курганы, иногда они выглядят как скопление мелких камней на поверхности. Покойника клали в вытянутом положении на спине, головой на запад. Имеются некоторые отличия в устройстве погребальной камеры: есть ямы с внутренней платформой; ямы, заполненные камнями; имеется один случай срубной конструкции; иногда стены могильной ямы укрепляли камнями; бывают ямы с подбоем в одной из стен. В Темуликэ вся посуда лепная красноглиняная, без росписи; в могильнике Хэшаньтоу найдены два расписных сосуда; в небольшом количестве таковая имеется и в Суодунбулакэ, хотя, в целом, расписная керамика не характерна для могильников долины р. Или. Для памятников группы Темуликэ есть несколько радиоуглеродных дат: 900-400 гг. до н. э., 770-100 гг. до н. э. и 500-200 гг. до н. э. (Debaine-Francfort, 1989, с. 198-200; Chen & Hiebert, 1995, с. 281-283; Mei, 2000, с. 20-22). В группу Сяотай (Xiatai) входят три могильника, в которых раскопано 19 грунтовых курганов. Поза погребенных и сопроводительный инвентарь аналогичны Темуликэ, расписная керамика также представлена в небольшом количестве, в то же время, уже появляются лаковые изделия. Пять радиоуглеродных дат относятся к концу I тыс. до н. э., четыре – начало н. э., с учетом чего группа Сяотай отождествляются с усунями письменных источников (Debaine-Francfort, 1989, с. 202; Mei, 2000, с. 22).

8. На крайнем севере Синьцзяна Цзянцзун Мэй помещает восьмую «культурную группу», представленную вышеупомянутым могильником Кээрмуци (Ke'ermuqi), где еще в 1963 г. было раскопано 32

погребения. Учитывая находки железных предметов, его первоначально датировали в диапазоне от 600 г. до н. э. по 800 г. н. э., позже, допуская разновременность захоронений, II тыс. до н. э. (Debaine-Francfort, 1989, с. 197-198; Chen & Hiebert, 1995, с. 269-272; Mei, 2000, с. 14-15). В результате повторного анализа материалов могильника Кээрмуци было убедительно подтверждено наличие двух хронологических периодов. Первый из них (фаза I) относится к эпохе бронзы и датируется концом III – началом II тыс. до н. э., второй (фаза II) включает погребения эпохи раннего железа (Wei Ming Jia & Betts, 2010, с. 301-311). Авторы исследования пришли к заключению, что культура Кээрмуци представляет собой отдельное явление, отличаясь от афанасьевской и окуневской культур, хотя, несомненно, имеет общие с ними черты, особенно с последней. В то же время материалы Кээрмуци не обладают ни малейшими признаками сходства с памятниками Таримского бассейна (Wei Ming Jia & Betts, 2010, с. 311-312). Таким образом, к области находок памятников тохарской письменности «культурная группа» Кээрмуци вряд ли имеет какое-то отношение, поскольку интересующие нас районы Синьцзяна, начиная с эпохи бронзы, были заняты носителями так называемой «культуры расписной керамики». Как бы ни хотелось многим исследователям видеть в Кээрмуци долгожданный «мостик» между восточноевропейскими и синьцзянскими культурами и подтвердить проникновение в Тарим афанасьевской и гипотетической постафанасьевской культуры, археологических свидетельств тому нет и, по сути, быть не должно. В отношении материалов из могильника Кээрмуци намного перспективнее будет сопоставление с комплексом кельтеминарской культуры, с которым они имеют несомненное сходство. При всем наличии незначительных местных особенностей той или иной «культурной группы», в действительности на территории Синьцзяна выделяется три историко-культурные общности, что и было наглядно продемонстрировано К. Дебэйн-Франкфор (Debaine-Francfort, 2001, с. 58, рис. 1). I. На территории Северо-Западного Синьцзяна в эпоху бронзы – раннего железа последовательно сменяют друг друга племена андроновского круга, затем приходит время сакской культуры, еще позже наступает черед культуры усуней. II. Южную, западную и северо-западную окраинах пустыни Такламакан занимают памятники «серой керамики», выделяемые А. П. Франкфором в отдельную археологическую культуру Акэтала (Francfort, 2001). III. В центральной части Синьцзяна, широтной полосой между пустыней Такламакан на юге и горами Тянь-Шань на севере, от

Кучи на западе до бассейна Хами на востоке, включая восточные отроги Тянь-Шаня, разместились памятники культуры расписной керамики. Дж. Мэллори и В. Мэйр удачно совместили распространение известных археологических комплексов с находками памятников тохарской письменности (Mallory & Mair, 2000, с. 301, рис. 160). Даже с учетом хронологического разрыва и, соответственно, изменения этнического состава населения Синьцзяна к моменту написания первых тохарских текстов, можно ясно видеть, что ареалы распространения тохарских А и В языков абсолютно совпадают с областью «культуры расписной керамики». В то же время, «культура серой керамики» точно так же соответствует области государства Крорайна с его субстратным тохарским С языком, если, конечно, он действительно был тохарским, а не каким-либо иным древнеиндоевропейским диалектом. Не менее интересный результат получается при обзоре распространения антропологических типов древнего населения Синьцзяна, хотя здесь принцип единого хронологического среза еще больше нарушен (Mallory & Mair, 2000, с. 240, рис. 138). При всех имеющихся погрешностях можно заметить, что в ареале культуры «серой керамики» преимущественно был распространен восточно-средиземноморский (индо-афганский) расовый тип. В могильниках «культуры расписной керамики» зафиксированы все физические типы европейской расы, а также немалый процент представителей монголоидной расы, особенно на восточных окраинах, но населения средиземноморского облика, насколько можно судить по имеющимся данным, там меньше всего. Протоевропеоидный набор признаков людей, похороненных в могильнике Гумугоу, является главным аргументом сторонников присутствия афанасьевской культуры в Восточном Туркестане. Действительно, крупная, длинная и высокая голова, умеренно низкое и широкое, остро профилированное лицо и сильно выступающий нос присущи населению евразийских степей эпохи бронзы (Алексеев, 1992, с. 393), но не следует забывать о кельтеминарской культуре, для которой характерен точно такой же расовый тип. Палеоантропологическое исследование населения Синьцзяна явно отстает от достижений новой научной дисциплины, биоархеологии. По образцам, взятым из волос и ребер нескольких женских мумий, удалось установить группу крови: во всех случаях это тип 0. Биологи также выявили группу из шести антигенов, два из которых являются типичными для современного населения Северной Евразии, и

чем ближе к югу, тем реже их встречаемость (Mallory & Mair, 2000, с. 245). По результатам генетического исследования образцов мумий эпохи поздней бронзы из Кизилчока (Qizilchoqa) в Хами П. Франкалаччи установил, что они входили в хаплогруппу Н при полном отсутствии признаков групп Т и М. Группа Н присуща европеоидному населению, заполняя почти половину митохондриального генного поля ДНК западноевропейского населения, но крайне редка у не европеоидного, около 0,25%. Для сравнения, у французов и славян-боснийцев 48%, у немцев 46,3%, у испанцев 45,1%, у русских 42%, у шведов и финнов 40-41%, в то время как, например, у саамов 4%, у якутов и индусов 3%. Генетические исследования китайских биологов показали начало проникновения генных признаков, присущих восточноазиатскому (монголоидному) населению, в оазисы Таримского бассейна только со II в. до н. э., что полностью подтверждает сообщения китайских письменных источников (Mair, 2005, с. 24-25). Складывается парадоксальная ситуация: как и в случае лингвистического анализа тохарских языков, данные генетической экспертизы уводят далеко на запад. Тот же вывод напрашивается при изучении стиля и материала одежды древних обитателей Тарима. В Синьцзяне около 1800 г. до н. э. изготовляли войлочные изделия (фетр), и в Западной Анатолии в 2600 г. до н. э. тоже. Высокие остроконечные шляпы с полями (т. н. «ведьмовской колпак») со вставленными по бокам перьями, найденные в Крорайне (Лоулань), живо напоминают своеобразные альпийские головные уборы. Археологи нашли в болотах Дании тело девушки, жившей в XIV в. до н. э., и она была одета в такую же точно юбку, что и жительница Синьцзяна того же времени (Mair, 2005, с. 35). В. Мэйр склонен считать, что мумии Тарима можно идентифицировать с носителями тохарских языков, доводов в пользу этого предположения гораздо больше, чем, скажем, доказательств их иранского или какого-то иного происхождения, с чем, конечно, полностью согласился Э. Пуллиблэнк, как, впрочем, и большинство исследователей (Mair, 2005, с. 32-33; Pulleyblank, 1995, с. 415; Renfrew, 1998). Тем не менее, толика сомнений все равно остается, и сам автор вполне это осознает: «We still do not know exactly who the mummies were, precisely where they came from, and what language(s) they spoke, but we are getting closer to the answers every day» (Mair, 2005, с. 36). В поисках ответа на все эти вопросы каждая из сторон предлагает свои решения, отталкиваясь, как уже говорилось, от известных фактов, но в

пределах собственного информационного поля. Западные исследователи, а также ученые из России, разумеется, уделяют особое внимание поиску в Таримском бассейне археологических признаков андроновской и афанасьевской культур. Существование в северо-западном районе Синьцзяна андроновских памятников, насколько известно, никто и не оспаривает (Chen & Hiebert, 1995; Mei & Shell, 1999). Никто не сомневается и в присутствии андроновского компонента в памятниках культуры расписной керамики, но со следами афанасьевской культуры в Тариме дело обстоит сложнее (Mei, 2000, с. 58-61). Надежды, которые возлагались на могильник Кээрмуци (крайний север Синьцзяна, южные предгорья Алтая), не оправдались ни по хронологическим, ни по географическим, ни по культурным признакам. В пользу афанасьевцев может свидетельствовать только антропологический тип отдельных групп древнего населения Таримской долины. Оставляя в стороне вопросы расогенеза Центральной Азии, хотелось бы знать, как это согласуется с индоиранской атрибуцией ямной культурно-исторической общности, восточной ветвью которой, несомненно, была афанасьевская культура. Если признать в ямной общности, даже с учетом ее возможных среднестоговских корней, праиндоевропейцев, то IV-III тыс. до н. э. — слишком позднее время для существования индоевропейского единства. По лингвистическим данным, ареальные контакты общеиндоиранского и тохарского исключаются, и, напротив, имеются четкие свидетельства языкового взаимодействия тохарского с арийским, носителями которого, конечно, были андроновцы. Китайские археологи, как правило, заняты выявлением связей памятников Тарима с древними культурами Великой Китайской равнины, общим между которыми является только наличие росписи на сосудах. Как и в предыдущем случае, никто не отрицает существования контактов и взаимовлияния двух ареалов, особенно в восточной части Синьцзяна. Но сводить происхождение культуры расписной керамики к прямому воздействию позднего Яншао (4000-3000 гг. до н. э.) или Мацзяяо (3300- 2000 гг. до н. э.) не вполне корректно. Есть несомненное сходство с материалами культур эпохи поздней бронзы на территории провинций Ганьсу (Gansu) и Цинхай (Qinghai). Это касается форм сосудов, особенно с ручками, типов орнамента, мотивов росписи (спираль), но фактор взаимовлияния характерен больше для контактной зоны на крайнем востоке Синьцзяна: памятники Хами, с одной стороны, и культура Сиба, с другой, что

подтверждается и антропологическими данными. Дальше к западу круг аналогий сокращается, да и в восточном направлении сходство уменьшается (Li, 2002; Wagner, 2001). Не правильное ли будет говорить, что в районе восточного Синьцзяна – Западного Ганьсу сошлись два встречных этнокультурных импульса, две традиции расписной керамики, и, безусловно, китайская культура Сиба (1950-1550 гг. до н. э.), возникшая в контактной зоне, обязана своим происхождением синтезу, вернее, наложению двух сфер влияния. По поводу определения места культуры Таримского бассейна в системе евразийских связей имеется точка зрения, которая, казалось бы, совмещает и северную, и восточную тенденции. По мнению К. Дебэйн-Франкфор, источник происхождения расписной керамики в Синьцзяне восточный, из Китая, в то время как металлургическая традиция отражает северное, степное влияние (Debaine-Francfort, 2001, с. 67). Но не все так просто: во-первых, китайская Яншао, истоки которой, кстати, до сих пор еще не вполне ясны, не единственная в Азии культура расписной керамики. Во-вторых, наряду с типично «степными» оловянистыми бронзами, широко распространенными в Тариме, в могильнике Вупу (1400-1000 гг. до н. э.) в 55 км к западу от г. Хами найдены два предмета с содержанием мышьяка 3-4% (Mei, 2000, с. 73). Древнейшая традиция производства мышьяковистых бронз берет начало на Ближнем и Среднем Востоке в III-II тыс. до н. э. Сторонники так называемого «западного импульса» в истории Китая наряду с внезапным появлением пшеницы в Западном Ганьсу около 3000-2500 гг. до н. э. всегда указывают и на не менее загадочное появление мышьяковистых бронз в упомянутой выше культуре Сиба. Китайские археологи, как и следовало ожидать, это мнение оспаривают (Li, 2002, с. 180). Ближайшая археологическая культура, где производили бронзы на основе мышьяка, это Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК) или, иначе, культура Окса эпохи бронзы, распространенная около 2000-1500 гг. до н. э. на западе Туркменистана, юге Узбекистана и севере Афганистана. Но разработка вопроса по выявлению хотя бы каких-нибудь признаков влияния БМАК на культуры Синьцзяна, разумеется, не принесла никаких результатов, кроме отрицательного (Mallory & Mair, 2000, с. 304-306). В то же время, на территории Средней Азии имеются так называемые «культуры лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа», совершенно идентичные синьцзянским по целому ряду признаков. Те археологи, которые работают в западной Центральной Азии и знают

среднеазиатский материал, прежде всего, конечно, отслеживают западные и юго-западные направления связей культуры расписной керамики Синьцзяна. Пальма первенства в этом вопросе принадлежит чувстской культуре Ферганской долины, аналогии которой с памятниками Тарима многочисленны и разнообразны, причем во всех отношениях. Непредвзято сопоставляя комплексы чувстской культуры Ферганы (вкуче с бургулюкской культурой Ташкента) и Тарима, нельзя не признать в них принадлежности к единой культурно-исторической общности, иначе говоря, культуры лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы – раннего железа. Разделение общего пространства с единообразным археологическим комплексом носит скорее историографический характер, обусловленный хронологией исследований, различными методологическими установками и современными административными границами. С другой стороны, все сказанное в полной мере относится и к вопросу о взаимосвязи культур Синьцзяна, Ферганы и Ташкента с памятниками круга Яз I. При этом, как ни парадоксально, иногда круг аналогий Яз I с бургулюкской культурой и отдельными комплексами Синьцзяна шире, чем с Чустом. По мере выявления на территории Среднеазиатского междуречья все большего числа памятников или, как правило, слоев, относящихся к сообществу культур расписной керамики эпохи раннего железа, яснее понимается, что северо-восточный и южный его ареалы никак нельзя считать обособленными. Как правило, среднеазиатские археологи давно пришли к такому выводу. Существует еще один другой аспект исследования общности расписной керамики эпохи раннего железа, связанный с ее лингвистической атрибуцией. Пикантность ситуации заключается в том, что создание и чувстской культуры, и Яз I приписывается восточноиранским племенам. Вне связи с памятниками Ферганской долины утверждается, что носители культуры Яз I говорили на восточноиранских языках, отделяясь на западе пустыней Деште-Кевир от носителей западноиранских диалектов – создателей культуры серой керамики. Правда, сам автор идеи несколько недоумеает по поводу того, что на территории восточноиранской культуры Яз I позже распространился западноиранский парфянский язык (Массон, 1984, с. 9). Не приводится никаких объяснений по поводу того, каким образом на юге Средней Азии в «транзитный» период Намазга VI – Яз I произошла кардинальная трансформация абсолютно всех составляющих

материальной культуры. Использование благозвучных, но не вполне корректных терминов «седентаризация» или «культурная мутация» является, похоже, попыткой ухода от археологических реалий. Если принять допущение, что носители крайне самобытной и невероятно консервативной культуры расписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа были в языковом отношении древнеиранскими племенами, это вступает в неразрешимое противоречие со всеми имеющимися фактами, лингвистического, археологического и, если угодно, антропологического порядка. По вопросу истоков культуры расписной керамики Ферганы и Синьцзяна археологи, которые работают в западной Центральной Азии и знают среднеазиатский материал, придерживаются мнения о «западном», точнее, «юго-западном» ее происхождении. Изначально первые исследователи неолитических и энеолитических культур северных предгорий Копетдага (и не только они) видели и ощущали некую преемственность традиций изучаемой ими культуры и Чуста, а также Синьцзяна (Массон, 1959, с. 114- 118; Киселев, 1960, с. 251-253, 264; Массон, 1964, с. 186; Masson & Sarianidi, 1972, с. 164; Антонова, 1988, с. 155). Но и тогда, и в последующие годы даже думать об этом было не вполне лояльно по отношению к господствующей методологии эволюционного пути развития цивилизаций. На возможность миграций, тем более, такого сложного порядка, как из Туркменистана в Китай, смотрели, мягко говоря, искоса. Даже после открытия энеолитического поселения Саразм, когда, казалось бы, был получен долгожданный конкретный материал для обсуждения старой темы, дальше признания очевидного факта, что произошел отток какой-то части населения Копетдага в долину Зарафшана, дело не пошло. Сейчас же писать о древних связях населения предгорий Копетдага и Восточного Туркестана равнозначно признанию тохаров отраслью эламо-дравидских племен. Для того чтобы разобраться в этой парадоксальной ситуации, придется обратиться к началу начал, ко времени появления на юго-западе Средней Азии первых памятников эпохи мезолита.

23 Керамический материал из Астаны включает в себя как группу расписной посуды, так и фрагменты сосудов, украшенных в манере кельтеминарской культуры позднего этапа (см. Кучера, 1984, с. 212, рис. 4г). 24 Часто ссылаются на авторитетное мнение С. В. Киселева, высказанное в первом издании «Древней истории Южной Сибири» 1949 г., забывая о том, что во втором издании, 1951 г., С. В. Киселев, видимо, не

без участия С. П. Толстова, убрал эту досадную ошибку. См. также: Толстов, 1948, с. 64. 25 Даты по С-14 отсутствуют. 26 В связи с раскопками поселения Синтала упоминаются находки зерен проса. 27 В могильнике Чавухугоу IV имеются захоронения в ямах с подбоем (Debaine-Francfort, 2001, с. 64, рис. 16). 28 Исключение составляет район к востоку от г. Ния, который до распространения хотано-сакского языка также входил в ареал «серой керамики», а также Яркенд и Кашгар. 29 Местонахождений керамики типа Яз I, похоже, нет только там, где ее не искали.

Библиография и примечания:

Литературу и источники см. Сверчков Л.М. Археологический аспект «тохарской проблемы» // ВЕИПС, № 11, December 2016. С. 854-993, ISSN: 2410-1788.

